

Интеллигенция и мир. 2023. № 1. С. 155—178.

Intelligentsia and the World. 2023. No. 1. P. 155—178.

Из архивных фондов

УДК 94(47).084.3

DOI: 10.46725/IW.2023.1.7

**КОНФЛИКТЫ И КОМПРОМИССЫ:
ЗАКЛЮЧЕНИЕ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО
СОГЛАШЕНИЯ ОБ ОБМЕНЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ
24 ИЮНЯ 1918 г.
ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ОЧЕРК**

Александр Юрьевич Ватлин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия, vatlin_alex@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6673-7633>

Аннотация. Подписание Брестского мира поставило перед советской дипломатией, находившейся на раннем этапе становления, огромное количество проблем, казавшихся неразрешимыми. Одной из них была борьба за возвращение около полутора миллионов военнослужащих Русской армии, оказавшихся в германском плену. Документы из Архива внешней политики РФ дают основу для реконструкции предыстории и заключения соглашения (протокола) об обмене военнопленными 24 июня 1918 г. После того как двусторонние переговоры в Москве завершились крахом, вопрос был перенесен в Берлин. За дело взялся советский полпред А. А. Иоффе, установивший прочные контакты с дипломатами германского МИДа. В решающий момент переговоров он лишился связи с Москвой, что заставило его действовать на свой страх и риск. Приняв немецкие предложения, он отказался от формулы «все или ничего», обеспечив начало массового обмена пленными. Его самовольное решение вызвало конфликт с наркомом по иностранным делам В. Г. Чичериным, в который был вовлечен и Ленин. Разрешение этого конфликта стало примером нахождения взаимоприемлемых дипломатических решений с учетом не только политических факторов, но и личных качеств двух крупнейших деятелей советской внешней политики 1918 г.

Ключевые слова: советско-германские отношения, Брестский мир, военнопленные, Центропленбеж, полпредство в Берлине, В. Г. Чичерин, А. А. Иоффе, Министерство иностранных дел Германии

Для цитирования: Ватлин А. Ю. Конфликты и компромиссы: заключение советско-германского соглашения об обмене военнопленных 24 июня 1918 г. Документальный очерк // Интеллигенция и мир. 2023. № 1. С. 155—178.

Documentary essay

CONFLICTS AND COMPROMISES: SIGNING OF THE SOVIET-GERMAN AGREEMENT ABOUT EXCHANGE OF PRISONERS OF WAR 24-TH JUNE, 1918. DOCUMENTS AND COMMENTS

Alexander Yu. Vatlin

Moscow State University named after M. V. Lomonosov,
Moscow, Russia, vatlin_alex@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6673-7633>

Abstract. The Soviet diplomacy just coming into being faced a lot of problems that seemed to be insoluble because of the signing Brest peace treaty. One of them was the returning of about a million and a half military men being in the German captivity. The documents from the Foreign Affairs Archive RF give the basis for reconstruction of prehistory and signing of the agreement (protocol) about exchange of prisoners of war on the 24-th of June 1918. After failure of bilateral talks in Moscow the problem was transferred into Berlin. The Soviet diplomat A. Ioffe, who had good contacts with the representatives of German Foreign Affairs Office, got down to business. At a decisive moment of the talks he lost the connection with Moscow that made him act at his own risk. Having accepted the German proposals he refused from the formula “everything or nothing” that provided the beginning of the mass exchange of the war prisoners. His unauthorized decision provoked the conflict with People’s commissar for Foreign Affairs V. Chicherin and V. Lenin was involved too. The solution of this conflict became the example of finding mutually acceptable decisions that took into account not only political factors but also personal traits of the two most influential figures of the Soviet Foreign policy in 1918.

Keywords: Soviet-German relation, Brest peace treaty, prisoners of war, Centropenbez, embassy in Berlin, V. Chicherin, A. Ioffe, German Foreign Affairs Office

For citation: Vatlin, A. Yu. (2023), 'Conflicts and compromises: signing of the Soviet-German agreement about exchange of prisoners of war 24-th June, 1918. Documents and comments', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 155—178 (in Russ.).

К моменту революционного захвата власти большевиками Россия и Германия находились в состоянии войны уже более трех лет. Важной частью военной повседневности являлись пленные, которых противники согласно международному праву могли удерживать у себя вплоть до завершения боевых действий и подписания мирного договора. Их число росло с каждой новой битвой, всего в эту категорию в годы Первой мировой войны попало около 8 млн чел. Треть этих потерь приходилась на Русскую армию, только в германских лагерях для военнопленных содержалось до полутора миллионов человек. Число же немецких плененных на территории подконтрольной большевикам к началу 1918 г. составляло около 140—150 тыс. человек [Doegen, 1921; Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs, 2006].

В Дополнительном договоре к Брестскому миру, подписанном 3 марта 1918 г., была достигнута лишь предварительная договоренность о возвращении на родину российских и немецких военнопленных: «обмен последует возможно скорее в определенные промежутки времени, подлежащие точному определению путем соглашения» [Документы внешней политики СССР. Т. 1: 175]. Правовой основой для реализации этого положения стал короткий протокол о взаимном обмене пригодными к службе военнопленными, подписанный в Берлине советским полпредом Адольфом Иоффе и главой правового отдела МИД Иоганном Криге. Хотя этот документ давно известен специалистам [Советско-германские отношения... Т. 1: 560—561], специальных исследований, посвященных этому соглашению, до сих пор не проводилось.

Не претендуя на полный охват проблемы обмена военнопленными [Черноперов, 2022: 513—527; Щеров, 2000; Wurzer, 2005: 97—125], мы обратим внимание на роль личного фактора

в ходе его подготовки, подписания и ратификации. Документы из Архива внешней политики РФ, впервые вводимые в научный оборот, показывают, насколько драматичной была предыстория его заключения, дают возможность проанализировать перипетии внутренней борьбы в Наркоминделе, сопровождавшие этот процесс.

Актуальность избранной темы исследования определяется прежде всего тем, что вопрос о гарантиях прав военнопленных в XX в. с появлением массовых войн армий приобрел особую остроту. Формально их статус был определен Гаагской конвенцией, однако на практике воюющие страны не могли выполнить взятых на себя обязательств из-за огромного количества военнопленных, попавших в плен. В то же время сами пленные (как показывает «другой военный опыт» россиян, оказавшихся в германском плену) стали важной частью хозяйственного механизма страны, приобрели новую идентичность и уникальный жизненный опыт [Нагорная, 2010]. Их возвращение на родину предусматривалось только после завершения Первой мировой войны, однако Российская революция и заключение сепаратного Брестского мира породили надежду на ускорение этого процесса. Его перипетии представлены в настоящем документальном очерке.

Вторым аспектом актуальности темы является отстаивание интересов пленных в ходе дипломатической деятельности, чем пришлось заняться советскому полпреду в Германии весной-летом 1918 г. Действуя наугад, используя метод «проб и ошибок», испытывая на себе давление со стороны германских партнеров, он нашел выход из ситуации, казавшейся безвыходной. Опыт согласования интересов и принятия решений в чрезвычайных условиях ситуации «ни войны, ни мира» имеет важное значение для практики современной дипломатии.

Методологической базой исследования является сравнительно-исторический анализ, понимаемый в двояком ключе. Речь идет, прежде всего, о сопоставлении приемов и методов советской и германской дипломатии, причем «реальполитик» последней противостоял крайне идеологизированный взгляд на перспективы формирования нового международного порядка, нашедший свое отражение в большевистском Декрете о мире. Здесь большую помощь окажет междисциплинарный подход,

включающий в себя политологические инструменты оценки потенциала сторон, участвующих в переговорах, а также методы нахождения компромисса в условиях, когда эти стороны занимают антагонистические позиции.

Второе измерение сравнительно-исторического анализа, использованное в работе, касается субъективных факторов выработки внешнеполитической линии лидерами Советской России. С использованием методов социальной психологии будет проведено сопоставление личных качеств и характеров наркома В. Г. Чичерина и полпреда А. А. Иоффе, поскольку в качестве рабочей гипотезы исследования выдвигается тезис о том, что в экстремальных политических ситуациях, в условиях цейтнота их значение выходит на первый план.

Механизм подготовки соглашения 24 июня 1918 г. советской стороной состоял не только из двух полюсов, которые можно отождествить с Москвой и Берлином. Скорее, он выглядел как условная пирамида, в основании которой, располагались нарком по иностранным делам В. Г. Чичерин и советский полпред в Германии А. А. Иоффе, а на вершине — В. И. Ленин. Причем последний выступал не как лидер победившей партии и даже не как глава Совнаркома, а как бесспорный надведомственный авторитет, который приводил в движение громоздкую и неэффективную бюрократическую машину Советской России, находившуюся в процессе становления. Только Ленин мог добиваться компромиссов между вчерашними соратниками по партии, в один миг превратившимися в крупных государственных деятелей. Его роль также будет упомянута в настоящем очерке, хотя главными его героями станут Чичерин и Иоффе, а предметом исследования — их личный и служебный конфликт, на фоне которого готовилось соглашение, подписанное 24 июня 1918 г.

Для германской стороны скорейшее возвращение на родину своих пленных обладало высшим приоритетом. И дело было не только в гуманитарных соображениях, хотя этот вопрос был одной из болевых точек, будораживших общественное мнение страны. Свои интересы были и у Верховного главнокомандования. Подразумевалось, что вернувшиеся на родину солдаты еще успеют принять участие в сражениях Первой мировой на Западном фронте: Германия испытывала большую нужду в свежих

пополнениях, да еще и имевших боевой опыт. Но не меньшее значение для страны имели и солдаты Русской армии, находившиеся в немецких лагерях для военнопленных. Иоффе писал об этом Ленину через два месяца после своего прибытия в Берлин:

«О военнопленных я телеграфировал Чичерину. Он не учитывает важности вопроса. На наших пленных держится нынешнее хозяйство Германии, без наших пленных они не могли бы воевать ни одного дня. Конечно, они этого не признают, доказывают, что до окончания войны на Западе они не могут дать нам 1 млн 200 тыс. лучших солдат, не имея уверенности, что мы опять не вступим в войну. Ясно, что они не хотят выпустить и не выпустят наших пленных»¹.

Действительно, для Наркомата по иностранным делам вопрос о российских солдатах и офицерах, томившихся в германском плену, не имел первостепенного значения: в структуре советских учреждений им занималась Центральная комиссия по делам военнопленных (Центропленбеж) во главе с влиятельным членом большевистского руководства И. С. Уншлихтом. Напротив, Иоффе уделял их судьбе достаточно большое внимание, и не только из гуманитарных соображений. Он видел своими глазами, в каком положении находилась Германия на четвертом году Великой войны. Если немецкое население недоедало, то русские пленные голодали вдвойне, практически не получая помощи через структуры Красного креста. Вопрос о неприемлемых условиях их содержания, равно как и проблема скорейшего возвращения домой немцев являлись важным капиталом, который можно было использовать при переговорах в германском МИД, и Иоффе это прекрасно понимал. Вопреки активному сопротивлению Чичерина он добился назначения на должность уполномоченного по делам военнопленных своего политического соратника Виктора Коппа (который для этого был специально освобожден из плена) [Черноперов, 2006: 66—69].

Уже через две недели после начала своей работы в Берлине Иоффе сообщал в НКВД о том, насколько позитивно его партнеры

¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2134. Л. 22—23 (далее: РГАСПИ). Здесь и далее в цитируемых текстах орфография и пунктуация приведены к современной норме.

восприняли его идею прислать из России поезд с подарками от имени полпредства для российских пленных:

«Если продолжать ту же политику в большом масштабе, то можно убить двух зайцев. Я писал уже о военнопленных. Вопрос приобретает все большую остроту. Нас уже начинают поругивать. Со времени нашей власти мы ничего не сделали для этих несчастных, немцы обрабатывают их вовсю, и они грозят стать готовыми кадрами контрреволюции. Нам не удастся скоро переправить их на родину, но мы должны доказать им, что думаем и заботимся о них, ибо последняя надежда их на берлинское посольство. Мы должны снабжать их деньгами, продовольствием, одеждой, ибо они голодны и наги. И тут мы можем убить второго зайца. Если сказать немцам: “хотя Вы на основании Гаагской конвенции обязаны содержать наших военнопленных, но мы знаем, что Вы сами ничего не имеете, поэтому разрешите нам доставить нашим военнопленным пропитание и одежду”.

И если действительно доставить пару сот вагонов сухарей, сахара, масла, консервов, табаку, холста и т. п., то почва, на которой, быть может, можно будет добиться даже постепенного исправления Брестского договора, будет достаточно подготовлена. Примите во внимание заинтересованность финансистов (заклучение через них займа или что-нибудь в этом роде) и Вы поймете, что только при этой политике можно добиться действительной “передышки”»².

Практическое воплощение этого проекта столкнулось с большими трудностями. Первый поезд с продуктовыми посылками, собранными в Петрограде для российских военнопленных в Германии, был отправлен 25 мая³, но уже в черте города остановлен толпой под предлогом того, что советское правительство таким путем вывозит продовольствие из России, выполняя свои тайные обязательства перед немцами⁴. Впоследствии отправка

² Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 987. Л. 41 (далее: АВП РФ).

³ По сообщению Центроппленбежа первый поезд с подарками для русских военнопленных в Германии был отправлен 25 мая 1918 г. из Петрограда (АВП РФ. Ф. 82. Оп. 1. П. 5. Д. 26. Л. 253).

⁴ Politisches Archiv des Auswaertigen Amtes. RZ 201/1726/9. Лишь через две недели поезд был отправлен вновь и прибыл на демаркационную линию 8 июня 1918 г.

продовольствия была налажена, хотя и осуществлялась мизерными порциями⁵. Но это все же было лучше, чем ничего.

В Брестском договоре предусматривался созыв двусторонней комиссии для определения «деталей обмена, в особенности способа и порядка отправления на родину» военнопленных каждой из стран. Кроме того, шла речь и о том, что «Россия допустит и будет по возможности поддерживать на своей территории германские комиссии, которым будет поручена забота о немецких военнопленных» [Документы внешней политики СССР. Т. 1: 175]. Советская делегация, оказавшаяся в Бресте в положении проигравшей стороны, не смогла добиться разрешения на отправку таких же комиссий в лагеря для русских пленных. Это стало одним из главных требований представителей Центропленбежа в советско-германской комиссии, которая провела свое первое заседание 28 апреля в Москве, в здании Наркоминдела на Спиридоновке (сам Центропленбеж был создан только накануне).

Позиция немецкой стороны, как ее сформулировал участник переговоров майор Карл фон Ботмер, заключалась в том, чтобы добиться скорейшего возвращения немецких пленных [Ботмер, 2010: 97, 115]. Что касается россиян, то их возвращение следовало максимально затягивать, поскольку они являлись дешевой рабочей силой для германской экономики. Следствием такого подхода являлся паритетный обмен по принципу «транспорт на транспорт», и лишь потом можно было вести речь об отправке на родину остальных российских военнопленных. Ботмер записывал в своем дневнике:

«Из собственных источников нам известно, что как только мы откажемся от принципа “транспорт на транспорт”, большевики начнут использовать наших пленных соотечественников в качестве объектов обмена, которых они будут отпускать или задерживать, тем самым поощряя или наказывая нас за тот темп, с которым мы будем освобождать русских пленных». Немцы выступили против допуска комиссий

⁵ Об этом свидетельствует письмо Ленина комиссару пограничной станции Орша Д. Е. Иващенко от 4 июля 1918 г.: «Благодарю за пропуск 36 вагонов в Германию: это для наших бедствующих военнопленных» (Ленин В. И. Телеграмма Д. Е. Иващенко от 4 июля 1918 г. // Пол. собр. соч. Т. 50. М., 1970. С. 112).

Центропленбежа в лагеря, находившиеся на территории Германии, ссылаясь на то, что их члены займутся там большевистской агитацией. «Хотелось бы надеяться, что в Германии отдадут себе отчет в том, что русские комиссии — опасные гости, за которыми надо строго следить», — отмечал майор Ботмер [Там же: 128, 140].

Самоуверенность одной стороны, чувствовавшей себя победителем, и неуступчивость другой, отказывавшейся признать себя побежденной, сделали невозможным нахождение компромисса. 5 июня 1918 г. состоялось последнее заседание двусторонней комиссии в Москве: делегации зачитали заявления и разошлись, ни в чем не уступив друг другу. Чтобы сохранить окно для последующих переговоров, было решено перенести решение вопроса о военнопленных в столицу Германии: подразумевалось, что дипломаты скорее найдут общий язык, нежели военные.

Хотя в Берлине находилось представительство Центропленбежа во главе с С. М. Семковым, имевшее солидный аппарат⁶, за ведение переговоров взялся лично А. А. Иоффе. Отсутствие надежной телеграфной связи делало его незаменимым участником советско-германских переговоров любого уровня. При прощальном разговоре с Лениным он получил достаточно широкие полномочия, которые последний неоднократно подтверждал [Ленин, 1970: 87—88, 90, 94—95, 112]. В Москве ценили личные качества полпреда, проявившиеся уже во время брестских переговоров: внешняя уравновешенность и упрямство в ведении переговоров, способность подбирать действенные аргументы и принимать самостоятельные решения [Троцкий, 1991: 328—331]⁷.

⁶ Согласно отчету С. М. Семкова, в бюро работало до 50 человек, в основном русские студенты, оставшиеся после начала Первой мировой войны в Германии, в его повседневной деятельности «главное внимание было обращено на правовую защиту, продовольственную помощь и эвакуацию». Сотрудники бюро до октября 1918 г. провели объезд 75 лагерей для российских военнопленных из 140, находившихся на территории, подконтрольной германским властям (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3102. Л. 3, 4; АВП РФ. Ф. 82. Оп. 1. П. 21. Д. 84, 88).

⁷ См. отзыв о дипломатическом искусстве А. А. Иоффе, данный его соратником и покровителем: *Троцкий Л. Д.* Портреты революционеров. М., 1991: 328—331.

Это было крайне важно на фоне дезорганизации государственного аппарата, который находился в положении «между старым и новым». Для того чтобы решить самые простые вопросы, приходилось выходить на самый высокий уровень. Так, заместитель наркома Л. М. Карахан сообщал А. А. Иоффе 24 мая, что ввиду полной дезорганизации местных аппаратов не смог отправить ему 2 млн рублей для поддержки военнопленных: «тщетно добиваемся этого, здесь такая дезорганизация, что ничего не сделаешь. Лично ездил, чтобы нажать, подогнать, но ничего не выходит. Придется через Ильича». В тот же день ему вторил сам Чичерин: «При здешней смеси халатности и формализма я ничего не могу гарантировать»⁸.

Германский ультиматум с требованием вернуть в Севастополь корабли Черноморского флота на несколько недель отодвинул решение вопроса о военнопленных, однако ни в Москве, ни в Берлине о нем не забывали. 6 июня нарком объяснял полпреду причины неуступчивости Центропленбежа:

«Главная комиссия о военнопленных настолько разобиделась, что прекратила работу, хотя даже до разрешения переданных Вам для рассмотрения в Берлин вопросов она отлично могла бы продолжать обсуждать ряд деталей. Они заявляют, что все принципиальные вопросы, не разрешенные в Бресте по отношению к военнопленным, должна разрешить эта самая комиссия и усматривают нарушение своей компетенции в перенесении вопроса в Берлин. Мы пошли на это перенесение потому, что хуже того положения, которое в данном вопросе создает для нас главная комиссия о военнопленных, быть не может. Она стремится к тому, чтобы темп возвращения наших пленных из Германии был приноровлен к темпу по необходимости очень медленного возвращения немецких пленных из России. Их пленных у нас около ста тысяч, а наших пленных у них около полутора миллионов. Это значит, что возвращение наших пленных должно растянуться на какие-нибудь шесть лет»⁹.

Через несколько дней нарком конкретизировал предложение советской стороны:

«Наша формула по данному вопросу заключается в том, что они возвращают наших пленных с максимально возможной для них быстротой, и мы возвращаем их пленных с максимально возможной для нас

⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 995. Л. 16; Д. 992. Л. 28—31.

⁹ Там же. Л. 53.

быстротой, хотя бы это означало неодинаковое количество возвращаемых ими и возвращаемых нами пленных, и что тот же темп должен соблюдаться ими и в будущем, тогда, когда все их пленные от нас к ним вернутся... Наши пленные в Германии должны знать, что мы стараемся ускорить их возвращение. Общественное мнение должно знать, что наша формула есть максимально возможная для каждой стороны быстрота возвращения пленных. Это есть, во всяком случае, объект переговоров. Вашему искусству предоставляется дальнейшее»¹⁰.

14 июня Центропленбеж приостановил обмен военнопленными, годными к продолжению воинской службы, что вызвало бурю возмущения в Берлине. Германский посол в Москве Вильгельм фон Мирбах «поднял скандал и грозит репрессиями, — писал Чичерин Иоффе, — Я решил, что надо идти на соглашение и установить провизориум, то есть временный модус обмена до достижения соглашения у Вас»¹¹. Таким образом, продвижение переговоров вперед возлагалось на Иоффе, причем он так и не получил четких указаний на то, какой масштаб свободы маневра ему предоставлен.

После принятия Москвой ультиматума по Черноморскому флоту стороны вернулись к вопросу о военнопленных. За прошедшие недели в полпредстве появился аппарат Юза, что сильно облегчило коммуникацию между Наркоминделом и полпредством, хотя на отработку нового механизма связи требовалось определенное время. Нельзя исключить того, что уступки советской стороны по вопросу о флоте подогрели наступательный порыв германских дипломатов, тактику предъявления ультиматума они решили опробовать и в данном случае. В ночь на 23 июня Иоффе сообщил Чичерину по прямому проводу о том, что происходило накануне вечером:

«Вчера меня пригласили в министерство [иностраннных дел], сообщили, что по полученным из России сведениям германские военнопленные умирают от голода. Возбуждение в Германии страшное, военные власти ставят ультиматум. Министерству путем долгих переговоров удалось добиться [их] согласия со следующими предложениями, которые от меня требовали немедленно подписать: здоровые

¹⁰ Там же. Л. 62.

¹¹ Там же. Л. 66.

военнопленные немедленно вымениваются по расчету “голова за голову и степень за степень”, содержание взаимно засчитывается. После размена всеми остающиеся русские военнопленные возвращаются [в соответствии] с политическими условиями и транспортными затруднениями, причем после заключения мира с Францией возвращение русских идет максимально ускоренным темпом. С 1 июля 1918 г. Россия за содержание военнопленных не платит.

Я ответил, что всяким ультиматумам есть предел, что этого протокола я не подпишу, что русские военнопленные должны возвратиться на родину в минимальный срок. Просидел в министерстве полночи, убедился, что дело весьма серьезно, добился следующих уступок. Первое: остается обмен “голова за голову и степень за степень” без уплаты, обязательство, что после возвращения последнего германского солдата продолжается обязательно возвращение русских, считаясь только с транспортными затруднениями. Условия будут выработаны позже дипломатическим путем, но после мира с Францией, во всяком случае, будут напряжены все средства, чтобы все русские возвратились на родину.

С 1 июля никакой уплаты за содержание [военнопленных], и положение наших приравнено к положению германских солдат, работающих на заводах, фабриках и т. п. Инвалиды и гражданские возвращаются на прежних основаниях. Это максимум уступок, неизвестно, согласятся ли [на него] военные. Обещано дойти до кайзера, [но] постараться добиться этого. Передайте Ленину, [что] в случае удачи этот протокол подпишу, худшего не приму, иначе невозможно, курьером подробно»¹².

Обмен записками был прерван Чичериным из-за необходимости передать прямой провод германскому посольству, что вызвало резкое недовольство Иоффе. Впоследствии он неоднократно повторял, что в этот момент был брошен на произвол судьбы и был вынужден действовать на свой страх и риск. На самом деле все было не так драматично. Запрос по военнопленным был передан полностью, и передача прервалась уже тогда, когда на ленте появились иные сюжеты.

Другое дело, что нарком не стал давать «добро», не посоветовавшись с Лениным и не продумав все риски, связанные с принятием или отклонением второго (после севастопольского) ультиматума. Особой телеграммой Чичерин попросил Иоффе ничего не подписывать до решения из Москвы, но он не учитывал темпа,

¹² Там же. Ф. 82. Оп. 1. П. 9. Д. 39. Л. 20—21.

который набрал ход событий, и масштаба, который они приобрели в общественном мнении Германии. Очевидно, что его в известной мере успокоила фраза о том, что немецкие дипломаты должны согласовать сделанные уступки со Ставкой Верховного главнокомандования. Здесь он явно недооценил возможности современной коммуникации: телеграфная линия между Берлином и бельгийским Спа действовала бесперебойно. Нарком ответил на вопросы Иоффе лишь через день, его пространное письмо было отправлено в ночь на 25 июля радиogramмой, а затем продублировано по аппарату Юза:

«Завтра будет совещание по поводу Вашей записки о военнопленных. Абсолютно неприемлем и настолько ужасен, что нет слов для его характеристики, пункт о приравнении наших военнопленных к работающим на фабриках солдатам, ибо таковые получают 50 пфеннигов в день, содержание же, которое дается нашим военнопленным, так ужасно скверно, и притом их работа сопровождается таким варварским обращением, что их жизнь в Германии есть медленная пытка и агония, мимо которой было более чем преступным пройти пассивно»¹³.

Что касается казуса с обрывом связи, то нарком объяснял это следующим образом: «В субботу 22-го вечером у нас было условлено с Мирбахом, что мы будем пользоваться проводом по очереди. Перед этим два дня ни Мирбах, ни мы не имели Берлина вследствие крупных повреждений, вызванных бурей и грозой. Когда вечером Берлин получился, мы получили первую очередь с тем, чтобы потом передать провод снова. Я принужден был оборвать Вас посредине фразы, чтобы не нарушать слова, данного Мирбаху, и не отнять у себя на будущее время возможность таких же соглашений»¹⁴.

Оправданный гуманизм Чичерина в отношении эксплуатируемых военнопленных плохо сочетался с транслированным в Берлин советом наладить надежную связь тем, что «нескольких телеграфистов перестрелять. Это, конечно, гипербола, но по существу это верно». Ответа на главный вопрос о сохранении принципа «один на один» или отказе от него, в его телеграмме

¹³ Там же. Ф. 04. Оп. 3. П. 70. Д. 992. Л. 75.

¹⁴ Там же.

так и не появилось. Промедление, вызванное осторожностью наркома, которая граничила с нерешительностью, оказалось роковым. Буквально припертый к стенке, Иоффе не увидел иного выхода, кроме как пойти на уступки германским дипломатам. 24—25 июня 1918 г. в письме Ленину, которое должен был забрать с собой дипкурьер, он так реконструировал ход событий последних дней:

«Меня вечером [22 июня] вызывали в министерство, требовали немедленного подписания протокола, из которого ясно было, что до окончания войны с Францией, нам не дадут ни одного нашего пленного за исключением тех 100 тыс., которых выменяют на своих. У нас был долгий спор, я просидел почти полночи, они доказывали мне, что большего от военных добиться нельзя, и мы опять будем иметь ежедневные ультиматумы, если я не подпишу.

Я им заявлял, что всяким ультиматумам есть предел, что я ни в коем случае не подпишу соглашения, из которого не будет вытекать совершенно явственно, что после того, как последний немецкий солдат вернется домой, русские пленные будут возвращаться в Россию, что я уже очень много беру на себя, если соглашаюсь на обмен по принципу голова за голову. Покончили на том, что протокол будет составлен так, как я настаиваю, что мне будет передано тайное обязательство Германии выпускать после размена не менее 10 тыс. наших в месяц (если удастся у военных провести большую цифру, то больше). Криге был отправлен к военным, должен был дойти до кайзера, но провести это. Пока ответа не имею.

Практически это не очень важно. Пока мы обменяемся этой сотней тысяч, тоже пройдет около 3 месяцев (а после французского мира будут выпущены все наши), если после размена нам будут выпускать даже по 10 тыс. в месяц, мы вряд сможем принять много больше. В протоколе цифра названа не будет, сказано будет: “считаясь с транспортными возможностями”, слова “считаясь с политическими возможностями” по моему настоянию будут исключены. Я считаю необходимым подписать этот протокол, если он будет проведен у военных»¹⁵.

Постскрипtum к письму был написан уже ночью после возвращения из германского МИД: «Вопрос с военнопленными закончен. Я подписал протокол, который посылаю (в копии) по адресу

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2134. Л. 24.

Чичерина. Как видите, в тайном обязательстве¹⁶ они согласились на большее, чем обещали: непрерывно, после получения всех своих пленных будут возвращать нам наших с той же скоростью, с которой производился обмен. Ясно, что больше мы все равно даже не могли бы принять. Наконец, нужно иметь в виду, что это *taхітum* того, что можно было от них получить. Одновременно отдается приказ производить обмен инвалидов и гражданско-пленных на прежних основаниях. Такой же приказ должен быть отдан Вами»¹⁷.

В Москве самостоятельность Иоффе вызвала крайнее недовольство, тем более что первые сообщения о подписанном протоколе пришли от германского посольства. Представители Центропленбежа, которые до 5 июня вели переговоры, почувствовали себя обойденными и отказались от их возобновления, грозили отставкой со своих постов [Ботмер, 2010: 160]. Чичерин не мог не учитывать их жесткой позиции. В неменьшей степени его недовольство определялось тем, что полпред подписал протокол без согласования с ним, нарушив азы ведомственной субординации.

Наркома поддержал влиятельный Карл Радек, возглавлявший тогда отдел Центральной Европы в Наркоминделе. Человек, не склонный к дипломатическим тонкостям, он писал Иоффе, что «история с военнопленными возмутила и Центроплен, и нас. Мы ждем неделями ответ немцев. Вы считаете возможным в продолжение двух дней подписать протокол, который делает невозможным борьбу против порабощения наших военнопленных. Мы передали для разрешения в Берлине только один вопрос — вопрос о сроке отправки, не передавали вопроса о положении военнопленных и о вознаграждении труда... Немцам наши военнопленные нужны до зарезу, и если [эти] сволочи не хотят их выпустить, то надо бороться со всей настойчивостью за то, чтобы они платили

¹⁶ В отдельном письме Г. В. Чичерину А. А. Иоффе так объяснял секретность этого документа: «Тайным я предполагал его сделать, т. к. публика может быть рассчитывает на большее количество» подлежащих немедленному обмену российских военнопленных (АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 988. Л. 1 об.).

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2134. Л. 24—26.

им, как своим рабочим. Мы не считаем себя связанными в этом пункте Берлинским протоколом»¹⁸.

Трагикомизм ситуации заключался в том, что вся дискуссия по вопросу об оплате труда военнопленных велась на пустом месте: в протоколе не было сказано об этом ни слова, а сам он не был передан по телеграфу в Москву, его привез курьер не раньше 28 июня. Теперь уже Иоффе не скрывал своего возмущения в адрес наркома:

«Вы неизвестно на каком основании вообразили, что уравнивание русских военнопленных с германскими солдатами означает понижение их заработной платы на фабриках до жалования солдата, и уже шлете мне по Юзу выговор и шипите по поводу повторных недоразумений из-за якобы моего нежелания ждать Ваших директив. Прежде всего, это формально неверно: я запрашивал Вас по Юзу, но Вы оборвали разговор, заявив, что аппарат нужен немцам, и на мои вопросы (хотя я предупреждал о спешности) не ответили.

Еще более это неверно по существу. О том, что военнопленные получают на фабриках такое же жалование, как немецкие рабочие, никто абсолютно не спорит, и Вы только подаете немцам мысль оспаривать это, если по Юзу так странно, чтобы не сказать больше, толкуете этот пункт... Я понял бы еще, если бы Вы обрушились на принятые мною принципы обмена головы на голову; тут я, действительно, уступил, но я доказал Вам, что не уступить нельзя было и что практически мы не теряем, ибо больше все равно принять не могли. Очевидно, с этим Вы согласились, ибо возражений не было. Зачем же высасывать из пальца новые упреки, совершенно необоснованные? Если мы с Вами будем сводить личные счеты (в чем я совершенно неповинен) и стараться улавливать друг друга в ошибках (в чем я также неповинен), то от этого пострадает дело»¹⁹.

Уже после того, как мелкие недоразумения выяснились, Иоффе продолжал отстаивать собственную правоту. В конце июня он направил в Москву очередной политический доклад, адресованный всем членам большевистского руководства, в котором приводил в свое оправдание новые аргументы:

«Два слова о военнопленных. Здесь пришлось уступить. Для всякого, кто хоть мало-мальски понимает нынешнее положение Германии,

¹⁸ АВП РФ. Ф. 028. Оп. 1. П. 1. Д. 8. Л. 44-45

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 33. Л. 37.

должно быть ясно, что Германия до окончания войны на континенте не в состоянии выпустить большое количество наших пленных. Это один из таких вопросов, где должно впредь знать, что все требования ни к чему не приведут, добиться большего, чем добился я, было абсолютно невозможно. Мне даны гарантии, что после обмена всех германских пленных по принципу голова на голову и степень на степень, возвращение русских военнопленных в Россию будет проводиться в том же темпе, как это происходило во время обмена. Но что после французского мира²⁰ будут напряжены все транспортные средства, чтобы вернуть всех русских на родину.

Так как немцы заставят нас напрячь все силы при обмене их пленных, то надо полагать, что большего числа наших мы бы все равно не могли принять. Помимо того, возвращение инвалидов и гражданских незамедлительно возобновляется на старых основаниях. Далее, с первого июля мы более не платим немцам за содержание наших военнопленных, и что еще более важно, мне с трудом удалось добиться обязательства содержать их не хуже германских солдат. Это вовсе не значит, что, работая на фабриках, они будут получать солдатское жалование, как это почему-то вообразил т. Чичерин. Заработная плата на фабриках и заводах для военнопленных, по утверждению немцев, во все время войны равна была заработной плате немецких рабочих, за исключением, конечно, случаев злоупотребления, по поводу которых всегда заявляется протест»²¹.

Конфликт наркома и полпреда достиг такой остроты, что стал предметом разбирательства в правительстве — случай, крайне редкий в дипломатической практике любого государства. Получилось, что Наркоминдел, действительно, на какое-то время оказался в Берлине. В решении, принятом 1 июля 1918 г., говорилось, что «Совет Народных Комиссаров принимает к сведению соглашение по обмену военнопленными, заключенное Иоффе (срок возврата) с Германией». Представителям Центропленбежа предлагалось взять обратно свое коллективное заявление об отставке. На следующий день Чичерин сухо сообщил Иоффе об одобрении соглашения, указав, что представляя его, он особо подчеркнул значение тайной ноты о продолжении возвращения наших пленных по окончании обмена «один на один»²².

²⁰ Т. е. заключения мира между Германией и Францией по итогам Первой мировой войны.

²¹ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 33. Л. 91—93.

²² АВП РФ. Ф. 82. Оп. 1. П. 5. Д. 28. Л. 9.

В том же решении Совнарком указывал полпреду «на желательность и необходимость предварительных сношений с НКВД перед принятием каких-либо серьезных решений и в особенности перед заключением каких-либо соглашений с Германией»²³. В этом угадывалось прямое ленинское воздействие: конфликт грозил подорвать единство внешнеполитической линии страны. Чтобы поставить все точки над «и», Ленин в тот же день отправил с курьером послание Иоффе, выдержанное в отечески-наравоучительном тоне:

«Сердит я на Вас, по правде сказать, до крайности. Людей мало, все переработались до чертиков, а Вы устраиваете такую вещь: много делового пишете в личном письме ко мне (последнем, карандашом)²⁴ и вставляете ряд личных вылазок, выпадов, шпилек и проч. против Чичерина (ненастоящий министр и т. п.)» [Ленин, 1970: 111].

Еще до получения столь мягкого выговора Иоффе почувствовал, что его авторитет в Москве подвергся серьезному испытанию, и начал предпринимать ответные шаги, исходя из того, что лучшей обороной является наступление. Тяжело переболев в эти дни «испанкой» и находясь на грани нервного срыва, он писал 3 июля Ленину:

«Я ничего не имею против разрыва с немцами, но я должен иметь полномочия принять этот разрыв. До тех пор, пока я вынужден вести политику передышки и уступок, я был бы последним идиотом, если бы запрашивал явно неприемлемое для немцев. И тогда с кораблями, и теперь с военнопленными я добился максимально возможного успеха, если бы я запросил больше, зная априори, что немцы этого не примут, то я, во-первых, лишний раз подтвердил бы обоснованность недоверия Ставки к нам, а во-вторых, дал бы военной партии повод предъявить нам новый ультиматум и произвести на нас новое наступление.

Хотите ли Вы этого? Я отлично знаю, что есть уступки, которых мы никак не можем сделать, и мне до сих пор всегда удавалось убедить немцев снять такое требование. Так было с требованием гарантии

²³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 2. Л. 92 (далее: ГА РФ).

²⁴ Речь идет о письме от 24 июня 1918 г. (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2134. Л. 16—26).

обязательного признания нашего права собственности на суда, так было и с требованием прекращения выдачи нам наших военнопленных и после обмена (в прежнем темпе).

В первом случае они ни за что не хотели давать указанной гарантии, а во втором случае они нисколько не стеснялись открыто заявлять, что не могут выпустить нам ни одного нашего пленного до окончания войны на континенте сверх тех ста тысяч, за которых получают сто тысяч своих. Всякому мало-мальски смышленому политику заранее могло быть ясно, что Германия, все военное хозяйство которой держится на наших военнопленных, иначе поступать не может. Требовать от Германии немедленной выдачи наших военнопленных можно было бы только в том случае, если Германия была бы разбита»²⁵.

Иоффе подключил к диалогу с Москвой Л. Б. Красина, который с конца июня находился в Берлине и вел вместе с ним переговоры о заключении Добавочного договора. 3 июля Красин направил Ленину личную телеграмму со словами безоговорочной поддержки полпреда: «Могу Вас уверить, что наше берлинское представительство находится в надежных руках, достигаются максимально возможные в данных условиях результаты. Если не хотите крушения всей политики, настоятельно советую энергичным личным воздействием положить конец систематическому дезавуированию здешнего представительства, в частности, по вопросу о военнопленных»²⁶.

Соглашение об обмене военнопленными нельзя отнести к успехам советской дипломатии и Иоффе лично, но его заключение продемонстрировало способность ее главных действующих лиц как к отстаиванию собственных позиций, так и к разрешению личных конфликтов. Секретное приложение к соглашению, подписанное Иоффе и Криге, стало первым примером тайной дипломатии, к которой Советская Россия, а потом и СССР будут прибегать неоднократно [Ватлин, Ланник, 2021: 208—230]²⁷. Большевики или «максималисты», как их называли в Германии, смогли отбросить идеологические шоры ради достижения

²⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 70. Д. 988. Л. 19—20.

²⁶ Там же. Ф. 82. Оп. 1. П. 16. Д. 64. Л. 14.

²⁷ Следующим шагом в этом направлении станет обмен тайными нотами при подписании советско-германского Добавочного договора 27 августа 1918 г.

конкретного результата. Эпоха, когда отношения с враждебным окружением проходили исключительно по ведомству коммунистической пропаганды, закончилась, так и не успев начаться.

Процесс обмена, начатый после 24 июня, затронул лишь малую часть военнопленных. Советские власти не спешили отправлять на родину немцев, понимая, что после этого интерес германской стороны к переговорам с Россией значительно уменьшится. В то же время в лагерях, разбросанных по всей стране, велась активная (хотя и не слишком успешная) пропаганда среди немецких пленных, чтобы превратить их в сторонников мировой революции пролетариата [подр. см.: Lager, Front oder Heimat... 2 Bd., 1994]²⁸.

Поскольку принцип «один на один» соблюдался строго, а еще больше из-за транспортных трудностей, до завершения Первой мировой войны из Германии смогли выехать не более двухсот тысяч военнослужащих Русской императорской армии²⁹. После начала революционных событий в Германии и подписания Компьенского перемирия ворота немецких лагерей были открыты, начался стихийный процесс репатриации. На железнодорожных станциях и особенно на демаркационной границе между Россией и Германией начался настоящий хаос: десятки тысяч голодных и раздетых людей брели на Восток, многие из них гибли в пути. Один из сотрудников полпредства Иоффе, которое было выслано из Берлина по обвинению в революционной агитации 6 ноября 1918 г., так описывал картину, открывавшуюся из окна поезда, подъезжавшего к границе:

«Когда поезд двинулся, нашим глазам представилось невероятное, печальное, незабываемое зрелище. Германия отправила русских

²⁸ Майор Ботмер записывал в своем дневнике: «Пропаганда не имеет особого успеха среди военнопленных, большинство из них только делает вид, что принимает большевистскую веру, чтобы добиться человеческого обращения с собой и приблизить отъезд»: *Ботмер К. фон. С графом Мирбахом в Москве* / под ред. Ю. Фельшинского. М., 2010. С. 115.

²⁹ Согласно официальным сведениям, подготовленным для телеграфного агентства РОСТА, с начала обмена и до 1 сентября 1918 г. на родину вернулось 117433 русских пленных (ГА РФ. Ф. 3333. Оп. 2. Д. 322. Л. 81).

военнопленных до нейтральной зоны, там их высадила и предоставила своей судьбе... По обеим сторонам дороги, по которой проезжал наш поезд, шли нескончаемые ряды людей в лохмотьях, обряженных в самые странные одежды. На дворе был резкий холод. Мы видели, как люди шли в легких штанах, без шинелей, обернутые в пестрые одеяла, в голубых платках. Это была ужасная, фантастическая картина, достойная глубокого сострадания» [Ларсонс, 1930: 49].

Вряд ли подобное зрелище могло оставить равнодушным Иоффе, ехавшего в том же поезде. Ожидая на демаркационной линии обмена с немецкими дипломатическими представительствами, выехавшими из Петрограда и Москвы (в данном случае правило «один на один» не действовало), он неоднократно отправлял Чичерину телеграммы о том, что ситуация с возвращением пленных вышла из-под контроля³⁰. Вспоминал ли он при этом о принятом решении самовольно подписать протокол, регулирующий модус их обмена, нам неизвестно. Но известно, что последние военнопленные вернулись из Германии в Россию только в 1922 году.

Список источников

- Ботмер К. фон.* С графом Мирбахом в Москве / под ред. Ю. Фельшинского. М.: Книговек. 2010. 395 с.
- Ватлин А. Ю., Ланник Л. В.* Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 208—230.
- Документы внешней политики СССР:* в 26 т. Т. 1—8. М.: Госполитиздат; Т. 9—15: Политиздат.; Т. 22—26: Междунар. отношения, 1957—2010. Т. 1: 7 ноября 1917 г. — 31 декабря 1918 г. / редкол. И. Н. Земсков, С. М. Майоров, И. В. Садчиков, В. М. Хвостов, Б. Е. Штейн, Госполитиздат, 1957. 771 с.
- Ларсонс М. Я.* На советской службе. Записки спеца. Париж: La Source, 1930. 284 с.
- Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1970. Т. 50: Письма. Октябрь 1917 — июнь 1919. 623 с.
- Нагорная О. С.* Другой военный опыт: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914—1922). М.: Новый хронограф, 2010. 440 с.

³⁰ АВП РФ. Ф. 82. Оп. 1. П. 9. Д. 40. Л. 26—27.

- Паке А. В коммунистической России. Письма из Москвы / пер. с нем. Н. А. Власова. СПб.: Евразия, 2021. 288 с.
- Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора: сб. документов в 2 т. Т. 1: 1917—1918 / редкол. С. Дернберг и др. М.: Изд-во полит. лит., 1968. 735 с.
- Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. М.: Моск. рабочий, 1991. 364 с.
- Черноперов В. Л. Дипломатическая деятельность В. Л. Коппа в Германии в 1918—1921 гг. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006. 435 с.
- Черноперов В. Л. «...Мы верим, верим всем существом в Вас, наши незабвенные освободители»: представители Советской России в Германии и российские военнопленные, 1918—1919 гг. // На рубеже эпох: русский и немецкий опыт 1917—1919 гг.: сообщения Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений / ред. А. Чубарьян и Й. Таубер. Т. 10. Berlin: Wissenschafts-Verlag, 2022. С. 513—527.
- Щеров И. П. Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918—1922 гг. Смоленск: Смол. гос. пед. ун-т, 2000. 92 с.
- Lager, Front oder Heimat. Deutsche Kriegsgefangene in Sowjetrußland 1917 bis 1920 / hrsg. von I. Pardon, W. W. Shurawl'jow: 2 Bde. München: K. G. Saur, 1994. 792 S. Bd. 1: Dokumente 1917 bis 1919; Bd. 2: Dokumente 1920.
- Doegen W. Kriegsgefangen Völker. Bd. 1. Der Kriegsgefangenen. Haltung und Schicksal in Deutschland. Berlin: Verlag für Politik und Wirtschaft, 1921. 263 S.
- Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs / Hrsg. von J. Oltmer. Paderborn [etc.]: Schöningh, 2006. 308 S.
- Wurzer G. Die Erfahrung der Extreme. Kriegsgefangene in Rußland 1914—1918 // Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht Verlag, 2005. 626 S.

References

- Botmer, K. fon (2010), *S grafom Mirbakhom v Moskve* [With Count Mirbach in Moscow] in Fel'shinskiy, Yu. (ed.), *Knigovek*, Moscow, Russia.
- Chernoperov, V. L. (2006), *Diplomaticheskaya deiatel'nost' V. L. Koppa v Germanii v 1918—1921 gg.* [Diplomatic activity of V. L. Kopp in Germany in 1918—1921], *Ivanovskii gosudarstvennyi universitet*, Ivanovo, Russia.

- Chernoperov, V. L. (2022), ‘ “... We believe, we believe with all our being in you, our unforgettable liberators”: representatives of Soviet Russia in Germany and Russian prisoners of war, 1918—1919’, in Chubaryan, A. and Tauber, I. (eds), *Na rubezhe epokh: russkii i nemetskii opyt 1917—1919 gg.: soobshcheniia Sovmestnoi komissii po izucheniuiu noveishei istorii rossiisko-germanskikh otnoshenii* [At the turn of the epochs: Russian and German experience 1917—1919: reports of the Joint Commission for the Study of the Recent History of Russian-German Relations], Bd. 10, Wissenschafts-Verlag, Berlin, Germany.
- Dernberg, S. and others (comps.) (1968), *Sovetsko-germanskie otnosheniia ot peregovorov v Brest-Litovske do podpisaniia Rapall'skogo dogovora: sbornik dokumentov v 2 tomakh, tom 1: 1917—1918* [Soviet-German relations from the negotiations in Brest-Litovsk to the signing of the Treaty of Rapallo: a collection of documents in 2 volumes, vol. 1: 1917—1918], Izdatel'stvo politicheskoi literatury, Moscow, Russia.
- Doegen, W. (1921), *Kriegsgefangen Völker*, Bd. 1, *Der Kriegsgefangenen. Haltung und Schicksal in Deutschland*, Verlag für Politik und Wirtschaft, Berlin, Germany.
- Larsons, M. Ya. (1930), *Na sovetskoi sluzhbe. Zapiski spetsa* [In the Soviet service. Specialist's Notes], La Source, Paris, France.
- Lenin, V. I. (1970), *Polnoe sobranie sochinenii, 5-e izdanie* [Full composition of writings, 5th edition], vol. 50: Pis'ma. Oktiabr' 1917 — iun' 1919, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, Moscow, Russia.
- Nagornaya, O. S. (2010), *Drugoi voennyi opyt: rossiiskie voennoplennnye Pervoi mirovoi voiny v Germanii (1914—1922)* [Other military experience: Russian prisoners of war of World War I in Germany (1914—1922)], Novyi khronograf, Moscow, Russia.
- Oltmer, J. von (ed.) (2006), *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs*, Schöningh, Paderborn, Germany.
- Pake, A. (2021), *V kommunisticheskoi Rossii. Pis'ma iz Moskvy* [In communist Russia. Letters from Moscow], Translated by Vlasov, N. A., Evraziia, St. Petersburg, Russia.
- Pardon, I. von and Shurawl'jow, W. W. (1994), *Lager, Front oder Heimat. Deutsche Kriegsgefangene in Sowjetrußland 1917 bis 1920*, in 2 Bd., Bd. 1: Dokumente 1917 bis 1919; Bd 2: Dokumente 1920, K. G. Saur, München, German.
- Shcherov, I. P. (2000), *Tsentroplenbezh v Rossii: istoriia sozdaniia i deiatel'nosti v 1918—1922 gg.* [Tsentroplenbezh in Russia: the history of creation and activity in 1918—1922], Smolenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, Smolensk, Russia.

- Trotsky, L. D. (1991), *Portrety revoliutsionerov* [Portraits of revolutionaries], Moskovskii rabochii, Moscow, Russia.
- Vatlin, A. Yu. and Lannik, L. V. (2021), 'Secret notes to the Supplementary Treaty of August 27, 1918: an unknown plot from the history of Soviet-German relations at the end of the First World War', *Novaia i noveishaia istoriia* [Modern and Current History Journal], no. 5: 208—230.
- Wurzer, G. (2005), Die Erfahrung der Extreme. Kriegsgefangene in Rußland 1914—1918 in Oltmer, J. von (ed.) *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkrieg*, Vandenhoeck und Ruprecht Verlag, Göttingen, Germany.
- Zemskov, I. N., Mayorov, S. M., Sadchikov, I. V., Khvostov, V. M. and Shtein, B. E. (comps.) (1957), *Dokumenty vneshnei politiki SSSR v 26 tomakh, tom 1, 7 noiabria 1917 g. — 31 dekabria 1918 g.*, [Documents of foreign policy of the USSR in 26 vols., vol. 1, November 7, 1917 — December 31, 1918], Gospolitizdat, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 06.09.2022; одобрена после рецензирования 04.10.2022; принята к публикации 27.10.2022.

The article was submitted 06.09.2022; approved after reviewing 04.10.2022; accepted for publication 27.10.2022.

Информация об авторе / Information about the author

А. Ю. Ватлин — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

A. Yu. Vatlin — Doctor of Science (History), Professor, Professor of the Department of History of European and American Countries, Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russia.